

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ
МАГОМАДОВА ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба №77546/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург, Франция

10 апреля 2018 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

10 июля 2018 года

Постановление вступило в силу по Статье 44 § 2 Конвенции. Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле [Элита] Магомадова против России,

Европейский суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Helena Jäderblom, *Председатель Секции,*

Luis López Guerra,

Helen Keller,

Dmitry Dedov,

Alena Poláčková,

Georgios A. Serghides,

Jolien Schukking, *судьи,*

и Fatoş Aracı, *Заместитель Секретаря Секции,*

Проведя 13 марта 2018 года совещание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№77546/14), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - "Конвенция") гражданкой России Элитой Хайдовой Магомадовой (далее - "заявительница"), 5 декабря 2014 г.

2. Интересы заявительницы представляют В. Коган и E. Wesselink (НКО Stichting Justice Initiative). Российскую Федерацию (далее - "Государство-ответчик") представляли Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, а затем сменивший его на этом посту М. Гальперин.

3. Заявительница жаловалась, в частности, на отказ властей вынести распоряжение о месте жительства ее сына в пользу матери, тем самым было нарушено ее право на уважение семейной жизни.

4. 4 июня 2015 года жалоба была коммуницирована Государству-ответчику.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1974 г. и живет в Москве.

6. 10 ноября 2009 г. у заявительницы родился сын - г-н И. Отцом ребенка был гражданский супруг заявительницы - г-н Э.

7. После расставания пары в ноябре 2010 г. заявительница и г-н Э. согласились, что г-н И. [ребенок] будет жить с заявительницей, а г-н Э. [отец] будет регулярно навещать сына.

8. 22 октября 2013 г. г-н Э. увез мальчика в г. Грозный, Чечня.

9. Заявительница последовала за ним в Грозный, где добивалась встречи с ее сыном, но г-н Э. этому препятствовал.

10. 8 февраля 2014 года заявительница обратилась в Ленинский районный суд г. Грозный (далее - «районный суд») с иском об определении места жительства ребенка и просила о том, чтобы сын жил с ней. Заявительница утверждала, что г-н И. [ребенок] жил с ней с момента рождения до того, как отец забрал его в октябре 2013 г. Мать и сын привязаны друг к другу. Заявительница имеет стабильный доход, просторную квартиру, хорошие характеристики и способна понести расходы, необходимые на содержание ребенка, учитывая проживание, образование и развитие. Заявительница также жаловалась, что после разлуки с сыном она многократно пыталась увидеться с ним, но г-н Э. не позволил ей встречаться с ребенком.

11. 19 марта 2014 г. сотрудники Управления социальной защиты населения района Чертаново, Москва, посетили квартиру заявительницы в Москве и установили, что условия жизни соответствуют содержанию малолетнего ребенка.

12. 19 марта 2014 года мировой судья судебного участка №230, района Чертаново, Москва, признал г-на Э. виновным в избиении заявительницы, которое произошло в августе 2013 года. По решению мирового судьи г-н Э. был оштрафован.

13. 9 апреля 2014 г. сотрудники муниципального учреждения «Департамент образования Мэрии Грозного» проверили жилищные условия г-на Э. В Грозном и установили, условия жизни соответствуют содержанию малолетнего ребенка. В официальном заключении указано, что г-н Э. живет в квартире вместе со своей матерью г-жой А. и с сыном г-ном И.

14. 15 апреля 2014 г. сотрудники [отдела опеки (попечительства) и охраны прав детства Департамента образования] Мэрии Грозного вынесли заключение по делу. В документе говорится, что условия жизни в квартире г-на Э. являются удовлетворительными и, в частности, утверждается:

«[Г-н Э.] работает главным врачом [в частной медицинской клинике] и, по его словам, ежемесячно получает 50 000 рублей ...

[Ребенок] г-н И. долго находился со своим отцом [г-ном Э.] и родственниками по линии отца. Мать мальчика живет в Москве и не участвует в воспитании сына. Мальчик привязан к отцу и получает много внимания, нежности и заботы. На основании вышеизложенного и учитывая интересы [г-на И.], «Департамент образования Мэри Грозного» считает, что необходимо определить место жительства мальчика с отцом [г-ном Э.]. Это не будет противоречить интересам ребенка и не будет мешать его контакту с матерью».

15. На слушаниях по иску заявительницы об определении порядка общения с сыном, г-н Э. утверждал, что ребенок [г-н И.] действительно жил с матерью до недавнего времени, но мальчик «не имеет никакой привязанности» к ней. Г-н Э. оказывал финансовую поддержку заявительнице и регулярно посещал ее и сына. [По мнению г-на Э.], заявительница «вела не совсем правильный образ жизни», и «совместное проживание г-на И. с матерью могло бы иметь пагубное влияние на ребенка».

16. На слушаниях представитель отдела опеки (попечительства) и охраны прав детства Департамента образования Мэри Грозного подтвердил выводы, содержащиеся в заключении от 15 апреля 2014 г.

17. 17 апреля 2014 г. районный суд отклонил иск заявительницы о порядке проживания ребенка с матерью. В своем решении районный суд определяет место жительства ребенка с отцом. Районный суд постановил:

«Согласно ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Однако суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом.

В соответствии со статьей 65 Семейного Кодекса РФ при отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей...

Таким образом, суд считает возможным выйти за рамки заявленных требований и определить место жительства ребенка [г-на И.] с отцом г-ном Э.

Согласно заключению органа опеки и попечительства г. Грозный №499/01-09 от 15 апреля 2014 г. предпочтительнее определить место жительства несовершеннолетнего г-на И. с отцом г-ном Э., не препятствуя его общению с матерью.

Из представленных сведений оба родителя по месту работы и по месту жительства характеризуются только с положительной стороны, имеют работу и постоянный доход, в собственности есть недвижимое имущество.

Жилищно-бытовые условия обоих родителей согласно актам обследования соответствуют необходимым для воспитания и проживания несовершеннолетнего.

В п.5. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. №10 с учетом положений п.3. ст. 65 СК РФ разъяснено, какие обстоятельства необходимо учитывать при разрешении спора об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка. К таким обстоятельствам относятся: привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам; возраст ребенка; нравственные и иные личные качества родителей; отношения, существующие между каждым родителем и ребенком; возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности, режима работы родителей, их материального и семейного положения; состояния здоровья родителей); другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей. При этом в постановлении Пленума особо

подчеркнуто, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не может являться безусловным основанием для удовлетворения требования этого родителя об определении места жительства ребенка с ним.

Преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей для отказа в удовлетворении требований другого родителя при наличии иных условий (истец имеет более высокий заработок и собственное жилье в г. Москва) не является безусловным основанием для вывода о целесообразности определения места жительства ребенка с нею.

Напротив, будучи матерью-одиночкой у нее на иждивении находится еще один несовершеннолетний ребенок от первого брака – дочь, родившаяся 25 июня 1997 г. Данный возраст является наиболее трудным и требующим особого внимания со стороны матери.

В связи со своей трудовой деятельностью истица определила г-на И. в дошкольное учреждение г. Москвы, хотя согласно пояснениям самой заявительницы ребенок страдает врожденной аномалией развития ЦНС – дисгенезия мозолистого тела.

Таким образом, заявительница условий для полноценного развития и воспитания ребенка фактически не имеет. В связи со своей занятостью на работе у заявительницы нет достаточно свободного времени, которое она могла бы посвятить своим детям. Все указанные обстоятельства могут пагубно повлиять на неокрепшую психику ребенка.

Так установлено, что ответчик г-н Э. занимает руководящую должность, размер его дохода позволяет создать комфортные материально-бытовые условия, совместно с ним проживает мать г-жа А., которая также принимает участие в воспитании г-на И. Ребенок привязан к своему отцу, согласно заключению органа опеки и попечительства.

В свою очередь ответчик не препятствовал общению заявительницы с сыном.

В соответствии со ст. 56 и ст. 57 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений.

По мнению суда, в условиях состязательности процесса, истцом не представлены доказательства в обоснование своих доводов”.

18. Заявительница подала апелляционную жалобу на решение районного суда. В частности, она жаловалась, что суд нарушил нормы права, необоснованно вышел за пределы иска и по собственной инициативе определил место жительства ребенка с г-ном Э. в то время, когда сам г-н Э. никогда не просил об этом. Далее заявительница утверждала, что она способна обеспечить г-ну И. все условия для его развития. Старшая дочь заявительницы здорова, самостоятельна, и ей не требуется никакое специальное внимание. Поэтому дочь заявительницы была способна позаботиться о себе, и даже оказывала большую поддержку матери. Заявительница определила г-на И. в дошкольное учреждение для того, чтобы дать ему дошкольное образование и продолжить его социальную адаптацию. Диагноз г-на И. не препятствовал посещениям дошкольного учреждения. Решение районного суда о том, что заявительница не имела достаточно времени для ухода за детьми, являлось необоснованным и не подтверждалось никакими доказательствами. Ни рабочий график заявительницы, ни график работы г-на Э. не рассматривались судом. Суд также не объяснил, каким образом за короткий период времени [с октября 2013 г. по апрель 2014 г.] мальчик привязался к отцу больше, чем к матери, с которой ребенок жил с рождения [2009 г]. до похищения [октябрь 2013 г]. Наконец, заявительница жаловалась, что г-н Э. препятствовал ее свиданиям с сыном. Этот факт был

подтвержден представителем органов опеки, который сообщил, что г-н Э заявил о недопустимости контактов г-на И. с заявительницей.

19. 3 июля 2014 года Верховный суд Чеченской Республики оставил без удовлетворения апелляционную жалобу заявительницы и оставил без изменения решение районного суда, признав решение [об определении места жительства г-на И.] законным и обоснованным. Верховный суд согласился с заключением [отдела опеки (попечительства) и охраны прав детства Департамента образования Мэрии Грозного], в котором учитывались наилучшие интересы ребенка, его возраст, привязанность к отцу и способность г-на Э. создать надлежащие условия для воспитания и развития сына.

20. В ответ на жалобу заявительницы, что ей долгое время не разрешают увидеться с сыном, в письме от 7 августа 2014 г. заместитель мэра Грозного сообщил ей, что г-н Э. «категорически отказывается организовать свидания несовершеннолетнему г-ну И. с заявительницей.

21. В письме от 12 сентября 2014 года глава отдела опеки (попечительства) и охраны прав детства Департамента образования Мэрии Грозного сообщил заявительнице, что была проведена служебная проверка заключения, выданного 15 апреля 2014 г. сотрудником отдела опеки. Сотрудник привлечен к дисциплинарной ответственности. В ходе проверки было установлено, что заключение об определении места жительства основано на непроверенных данных. В частности, информация о доходе г-на Э. указана только с его слов, тем самым не проверены данные о доходе. Вывод о том, что заявительница не занимается воспитанием и содержанием г-на И., сделан без наличия соответствующих доказательств. Не установлено время фактического проживания г-на И. с каждым из родителей после прекращения их совместного проживания. Наконец, не был учтен факт, что г-н И. имеет сводную сестру, которая живет вместе с заявительницей. Таким образом, в заключении от 15 апреля 2014 г. были нарушены права и законные интересы заявительницы.

22. Заявительница подала кассационную жалобу на решение районного суда, где, в частности, сослалась на вышеуказанное письмо от 12 сентября 2014 г.

23. 27 ноября 2014 года судья Верховного суда Чеченской Республики отказался передать кассационную жалобу заявительницы в Президиум ВС ЧР, так как не обнаружил существенных нарушений материального или процессуального права, которые повлияли на исход судебного разбирательства. Судья ссылаясь, в частности, на заключение [отдела опеки (попечительства) и охраны прав детства Департамента образования Мэрии Грозного] от 15 апреля 2014 года, где утверждалось, что в интересах г-на И. жить с отцом.

24. 5 декабря 2014 г. г-н Э. погиб в автомобильной аварии. Г-н И. остался жить со своей бабушкой г-жой А.

25. 14 января 2015 г. заявительница подала иск в Шалинский городской суд Чеченской республики (далее - "городской суд") с тем, чтобы определить место жительства г-на И. с заявительницей.

26. 31 июля 2015 г. городской суд удовлетворил исковые требования заявительницы. Суд постановил, что г-н И. должен быть возвращен заявительнице. 12

ноября 2015 г. в ходе апелляции Верховный суд Чеченской Республики поддержал решение [городского суда от 31 июля 2015 г].

27. 24 ноября 2015 г. городским судом был выдан исполнительный. В тот же день судебные приставы инициировали исполнительное производство.

28. 28 ноября 2015 г. судебные приставы пришли в дом к г-же А. [бабушке г-на И.] с тем, чтобы она вернула ребенка заявительнице. 3 декабря 2015 г. судебные приставы вновь посетили г-же А., чтобы забрать мальчика, но г-жи А. и г-на И. не было дома. Позднее судебные приставы посетили г-жу А. в даты 5 декабря 2015 г., 25 декабря 2015 г. и 4 февраля 2016 г., но не смогли найти ее или г-на И. Органы опеки также неоднократно посещали дом г-жи А., но никого не застали в доме. В итоге было установлено, что г-жа А. переехала вместе с г-ном И.

29. 24 декабря 2015 г. судебные приставы вынесли постановление о временном ограничении на выезд г-жи А. за границу.

30. 10 февраля 2016 г. г-жа А. и г-н И. Были объявлены в розыск.

31. 28 апреля 2016 г. г-н И. был возвращен заявительнице. На следующий день исполнительное производство по делу было прекращено.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

32. Семейный Кодекс предусматривает, что место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей. При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и другое – Статья 65).

33. Родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию. Родители вправе заключить в письменной форме соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Если родители не могут прийти к соглашению, спор разрешается судом с участием органа опеки и попечительства по требованию родителей (одного из них). По требованию родителей (одного из них) в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, суд с обязательным участием органа опеки и попечительства вправе определить порядок осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения. При невыполнении решения суда к виновному родителю применяются меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях и законодательством об исполнительном производстве. При злостном невыполнении решения суда суд по

требованию родителя, проживающего отдельно от ребенка, может вынести решение о передаче ему ребенка исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка. (Статья 66).

34. Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. (Статья 57).

35. Родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного решения. В случае возникновения спора родители вправе обратиться в суд за защитой своих прав. При рассмотрении этих требований суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей, если придет к выводу, что передача ребенка родителям не отвечает интересам ребенка (Статья 68 часть 1).

36. Статья 196 часть 3 Гражданского процессуального Кодекса предусматривает, что суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Однако суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом.

ПРАВО

I. ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

37. Суд отмечает, что заявительница подняла несколько новых жалоб по Статьям 8 и 14 Конвенции в ответе на меморандум Государства-ответчика. Так она жаловалась, что в решении об определении места жительства ее сына в пользу отца мальчика имело место дискриминация по признаку пола, кроме того, судопроизводство о возвращении г-на И., которого удерживала его бабушка, и исполнительные действия в связи с этим затягивались и продолжались чрезмерно долго.

38. Суд считает, что новые жалобы заявительницы не были подняты в ее первоначальном заявлении, поданном 5 декабря 2014 г., и Суд не уведомил о них Правительство [в коммуникации] 4 июня 2015 г. Поэтому Суд не будет их рассматривать (см. аналогичные случаи в делах *Nuray Şen v. Turkey (no. 2)*, no. 25354/94, § 200, 30 March 2004; *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, §§ 61-63, 28 March 2006; *Kopylov v. Russia*, no. 3933/04, §§ 109-10, 29 July 2010; and *Antonyuk v. Russia*, no. 47721/10, §§ 93-94, 1 August 2013).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ОБРАЩЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

39. Заявительница жалуется, что власти не исполнили решение, в котором суд определил место жительства ее сына с матерью. Заявительница сослалась на Статью 8 Конвенции, где говорится:

“1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни ...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц

А. Приемлемость

40. Государство-ответчик утверждало, что заявительница не исчерпала внутренние средства правовой защиты, так как не подала кассационную жалобу на решение об определении места жительства в Верховный суд России. Государство-ответчик сослалось на дело *Abramyan and Others v. Russia* ((dec.), nos. 38951/13 и 59611/13, 12 May 2015).

41. Заявительница утверждала, что она подала жалобу в Суд до того, как было оглашено постановление Суда по делу *Abramyan and Others* (упомянуто выше). При подаче жалобы заявительница не могла предвидеть, что Суд признает вторую кассационную жалобу в Верховный суд России как эффективное средство правовой защиты. Далее она указала, что постановление по делу *Abramyan and Others* не должно применяться к случаям, когда продолжительность времени может нанести непоправимый ущерб. Кассация в Верховный суд потребовала бы много времени и имела мало шансов на успех. Поэтому кассация чрезмерно продлевала разлуку заявительницы с сыном, которого она на тот момент не видела уже более десяти месяцев. Наконец, нужно учитывать, что г-н Э. погиб в автомобильной катастрофе через восемь дней после отклонения первой кассационной жалобы, поэтому было нецелесообразно подавать вторую кассационную жалобу после столь существенного изменения обстоятельств..

42. Суд уже отклонил аналогичные возражения Правительства России во многих случаях, когда заявители подали свои жалобы в Суд после того, как он вынес постановление по делу *Abramyan and Others* (упомянуто выше, §§ 76-96, где Суд признал недавно реформированную двухуровневую процедуру кассационной жалобы как эффективное средство правовой защиты; см., например, *Novruk and Others v. Russia*, nos. 31039/11 and 4 others, §§ 70-76, 15 March 2016; *Kocherov and Sergeyeva v. Russia*, no. 16899/13, §§ 64-69, 29 March 2016; и *McIlwrath v. Russia*, no. 60393/13, §§ 85-95, 18 July 2017).

43. Суд не видит никаких оснований для другого вывода в настоящем деле. Заявительница подала жалобу в Суд 5 декабря 2014 г., т.е. до вынесения Судом постановления по делу *Abramyan and Others*. Заявительница уже не может использовать названное средство правовой защиты, так как срок подачи кассации истек. Поэтому Суд отклоняет возражение Государства-ответчика относительно неисчерпания внутренних средств правовой защиты

44. Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной в соответствии с требованиями Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд также находит, что она не является

неприемлемой на любых других основаниях. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Государство-ответчик

45. Государство-ответчик утверждало, что решение об определении места жительства г-на И. с отцом было законным и учитывало наилучшие интересы ребенка. Судья оценил характеристики родителей, принадлежащую им недвижимость, условия жизни и семейную ситуацию. В частности, судья принял во внимание, что у заявительницы есть дочь-подросток и что г-н Э. жил со своей матерью [бабушкой г-на И.], которая могла заботиться о внуке, пока г-н Э. находился на работе.

46. Государство-ответчик признало, что заключение органов опеки от 15 апреля 2014 г., на которое сослался судья, было основано на недостоверной и неполной информации. Однако Государство-ответчик утверждало, что это было установлено после вступления в силу решения об определении места жительства. Следовательно, этот факт не мог повлиять на решение суда при рассмотрении кассационной жалобы заявительницы. Заявительница могла требовать возобновления дела в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, но не сделала этого. В любом случае, национальные суды должны оценивать имеющиеся доказательства. В компетенцию Суда не входит определение того, необходимо ли то или иное доказательство для разрешения дела. Учитывая, что у национальных судов был прямой контакт со всеми заинтересованными лицами, Суд не может подменить национальные органы в осуществлении ими полномочий, касающихся вопросов опеки и осуществления родительских прав.

47. Государство-ответчик далее утверждало, что мнение г-на И. не заслушивалось судами, так как в силу внутреннего законодательства суд обязан учитывать мнение ребенка старше десяти лет (см. пункт 34 выше). На момент рассмотрения дела судом г-ну И. исполнилось 4 года, поэтому он не смог бы понять вопросы судьи и адекватно ответить на них. Кроме того, сторонами по делу не просили о допросе ребенка или об обследовании ребенка психологом.

48. Государство-ответчик также утверждало, что при разрешении вопросов о назначении государственной опеки в отношении несовершеннолетних детей Суд учитывает тот факт, что восприятие правомерности вмешательства публичных властей в воспитание детей в Договаривающихся государствах различается в зависимости от таких факторов, как традиции, касающиеся роли семьи, вмешательства государства в дела семьи, а также наличия ресурсов для государственных мер в этой области (см. *G.H.B. v. the United Kingdom* (dec.), no. 42455/98, 4 May 2000, and *Eglert v. Sweden* (dec.), no. 39432/04, 20 September 2007). Власти РФ утверждали, что данный подход может быть применен в случаях, касающихся определения места жительства ребенка с одним из родителей. В настоящем деле суды Чеченской Республики придали особое значение

происхождению ребенка, его мусульманскому вероисповеданию и традициям чеченского народа. В частности, при определении места жительства ребенка вместе с отцом суд принял во внимание национальные особенности воспитания детей в чеченских семьях, например, тот факт, что при распаде семьи ребенок по общему правилу воспитывается в семье отца. Учитывая, что Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством, национальные суды не вышли за широкие рамки усмотрения, представленные Судом по такого рода делам.

49. Наконец, Государство-ответчик заявило в отношении вопроса о предполагаемом выходе за пределы исковых требований, когда выносили решение об определении места жительства ребенка в пользу отца в отсутствие явной просьбы с его стороны. Национальные суды руководствовались положениями Статьи 65 Семейного кодекса РФ, согласно которым при отсутствии соглашения спор между родителями разрешаются судом исходя из интересов ребенка (см. пункт 32 выше). В рассматриваемом деле г-н И. фактически жил с отцом, которые возражал против ходатайства заявительницы об определении места жительства ребенка с нею. Так как матери было отказано в определении места жительства с нею, то в целях исключения неясности и неопределенности при исполнении судебного решения суд обязан был определить место дальнейшего проживания ребенка с отцом.

(b) Заявительница

50. Заявительница утверждала, что национальные суды не провели глубокого изучения всей семейной ситуации и/или целостного анализа фактов эмоционального, психологического, материального и медицинского характера (см *Antonyuk*, упомянуто выше, § 134). Власти проигнорировали, что г-н И. жил с матерью с рождения до его похищения отцом. Они также отказались принять во внимание, что г-н Э. был признан виновным в совершении уголовного преступления за нападение на заявительницу. Они обосновали свои решения ошибочными и ложными данными, которые были представлены органами опеки г. Грозный. Позднее выяснилось, что заключение органов опеки от 15 апреля 2014 г., на которое ссылались суды, содержит непроверенную и неполную информацию. Национальные суды не оценили критически заключение органов опеки, не запросили у них сведения о том, почему представители службы не опросили заявительницу или почему г-н И. не был обследован психологом. Даже тогда, когда заключение органов опеки было признано ложным и заявительница поставила этот вопрос перед вышестоящими судами, которые могли отменить решения нижестоящих судов по причине серьезных нарушений материального или процессуального права, влияющих на исход разбирательства, вышестоящие суды поддержали решение об определении места жительства ребенка в пользу г-на Э.

51. Заявительница далее утверждала, что национальные суды интерпретировали факты того, что она - работающая мать-одиночка, что у нее есть другой ребенок и что она определила г-на И. в дошкольное образовательное учреждение, как ее неспособность создать надлежащие условия для воспитания и развития г-на И. Власти не объяснили, как нахождение г-на И. в детском саду, несмотря на его медицинское состояние и надлежащее лечение, которое он получал в Москве, могло

«катастрофически воздействовать» на ребенка. Органы опеки г. Москвы установили, что дом заявительницы имеет все необходимые условия для маленького ребенка. Национальные суды проигнорировали это заключение и попросили органы опеки г. Грозный оценить жилищные условия г-на Э., хотя сам г-н Э. никогда не ходатайствовал об определении места жительства г-на И. в свою пользу.

52. Заявительница также жаловалась, что национальные суды сослались на непроверенные утверждения г-на Э. о том, что он не препятствовал ее контактам с ребенком, хотя заявительница утверждала обратное. Национальные суды не объяснили, почему рассматривали непрерывность ее контактов с г-ном И. как установленный факт исключительно на основе утверждений г-на Э..

53. Наконец, заявительница отмечает, что Государство-ответчик ссылается на чеченские традиции, по которым после расставания родителей ребенок должен воспитываться в семье отца. По словам заявительницы, власти демонстрируют дискриминацию женщин в Чечне, и, следовательно, решения по ее делу также основаны на дискриминационном допущении.

2. Оценка Суда

(а) Основные принципы

54. Определяя, был ли оправдан отказ в разрешении или доступе, как предполагается Статьей 8 § 2 Конвенции, Суд должен рассмотреть, были ли причины, приведшие к таким мерам, соответствующими и достаточными. Несомненно, оценка того, что включают в себя интересы ребенка, обладает значительной важностью во всех подобных делах. Кроме того, необходимо помнить, что национальные власти обладают преимуществом непосредственного контакта со всеми людьми, имеющими отношение к делу. Отсюда следует, что задачей Суда является не заменить национальные органы при выполнении ими своих обязанностей, касающихся опеки и вопросов о праве доступа к ним, а пересматривать в свете Конвенции решения, принятые этими органами для их оценки (см. *Sahin v. Germany* [GC], no. 30943/96, § 64, ECHR 2003-VIII; *Sommerfeld v. Germany* [GC], no. 31871/96, § 62, ECHR 2003-VIII (extracts); *C. v. Finland*, no. 18249/02, § 52, 9 May 2006; and *Z.J. v. Lithuania*, no. 60092/12, § 96, 29 April 2014). С этой целью Суд должен выяснить, провели ли национальные суды глубокое изучение всей семейной ситуации и целостный анализ фактических обстоятельств дела, факторов эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, сделали ли [власти] сбалансированную и разумную оценку интересов каждого человека с постоянной заботой о том, чтобы определить наилучшее решение для ребенка (см. *Neulinger and Shuruk v. Switzerland* [GC], no. 41615/07, § 139, ECHR 2010, и *Antonyuk*, упомянуто выше, § 134).

55. Границы допустимого поведения, которые должны быть согласованы с компетентными национальными органами, будут отличаться в зависимости от характера спора и важности оспариваемых интересов. Таким образом, Суд признал, что органы власти обладают широкими полномочиями при решении вопроса об опеке. Но используется более тщательное исследование последующих ограничений, таких как ограничения, наложенные этими органами на право доступа родителей к детям, и

в отношении правовых гарантий, направленных на обеспечение эффективности защиты прав родителей и детей на уважение их семейной жизни. Такие последующие ограничения влекут опасность ухудшения отношений между ребенком и родителем или обоими родителями (см. *Sahin*, упомянуто выше, § 65, и *Sommerfeld*, упомянуто выше, § 63).

56. Статья 8 Конвенции требует, чтобы национальные власти установили равновесие между интересами ребенка и родителей и чтобы особое внимание было уделено интересам ребенка, которые по причине серьезности их характера могут иметь преимущественное действие над интересами родителей. В частности, родитель не может быть наделен Статьей 8 Конвенции правом принимать такие меры, которые повредят здоровью и развитию ребенка (see *Sahin*, упомянуто выше, § 66, and *Sommerfeld*, упомянуто выше, § 64).

57. Наконец, Суд считает, что он не может должным образом оценить, были ли эти основания "достаточными" в смысле Статьи 8 § 2 Конвенции, в то же время не определяя, была ли обеспечена заявителю соответствующая защита его интересов в ходе принятия решения (см. *Sahin*, упомянуто выше, § 68, and *Sommerfeld*, упомянуто выше, § 66). Хотя Статья 8 Конвенции не содержит явных процессуальных требований, но процесс принятия решений, связанный с исполнительным производством, должен быть справедливым и обеспечивать надлежащее соблюдение интересов, гарантированных Статьей 8. Поэтому Суд должен определить обстоятельства дела и, в частности, важность принимаемых решений, участие заявительницы в процессе принятия решений, достаточность степени [участия сторон] для обеспечения необходимой защиты интересов [ребенка] (see *Z.J. v. Lithuania*, упомянуто выше, § 100, с дополнительными ссылками).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

58. Суд считает, что постановление об определении места жительства ребенка с отцом связано с вмешательством в право заявительницы на уважение ее семейной жизни (см. [Antonyuk](#), упомянуто выше, § 119; см. также *G.B. v. Lithuania*, no. 36137/13, § 87, 19 January 2016).

59. Поскольку заявительница жалуется на национальные суды, которые действовали незаконно, выйдя за пределы требований г-на Э. и вынесли постановление об определении места жительства ребенка в его пользу, хотя он никогда не просил об этом, Суд отмечает, в первую очередь, что национальные органы, в частности, интерпретируют и применяют внутреннее законодательство. Таким образом, закон является действующим актом, поскольку обладающие компетенцией суды интерпретируют его. В то же время Суд должен в определенном смысле проверить этот вопрос, так как несоблюдение внутреннего законодательства влечет нарушение Статьи 8 Конвенции, и объем его задачи зависит от ограничений, присущих второстепенному характеру Конвенции, и Суд не может сомневаться в том, как национальные суды интерпретировали и применяли национальное законодательство, за исключением случаев грубого нарушения или произвола (see *Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*, no. 12739/05, § 46, 8 March 2011; *Galović v. Croatia* (dec.), no. 54388/09, § 58, 5 March 2013; and *Lachowski v. Poland* (dec.), no. 9208/05, §

78, 6 Май 2014). Суд не находит грубого нарушения или произвола в настоящем деле. [Национальные] суды, которые рассмотрели дело заявительницы, установили, что оно относится к той части 3 Статьи 196 Гражданского процессуального кодекса, где они могли выйти за пределы заявленных требований. Суд признает, что интерпретация соответствующего законодательства судами в деле заявительницы не была такой, чтобы оспаривать законность решения по условиям Конвенции.

60. Кроме того, стороны не оспаривали того, что вмешательство преследовало законную цель защиты прав других лиц, а именно г-на И. и г-на Э. Остается выяснить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

61. Прежде чем перейти к анализу причин, выдвигаемых национальными судами, важно отметить, что решение об определении места жительства от 17 апреля 2014 года ограничивался тем, где будет жить г-на И.; это решение не повлияло на юридические отношения г-на И. с заявительницей и не ограничивало ее в родительских правах. Важно, что заявительница имела возможность подать ходатайство о порядке общения..

62. Суд признает, что при принятии решений об опеке над детьми национальные органы и суды часто сталкиваются с чрезвычайно сложной задачей. Он учитывает, что национальные власти не имели другого выбора, кроме принятия решения в пользу одного из них, поскольку, по-видимому, альтернативное место жительства явно не предусмотрено в российском праве (see [Antonyuk](#), упомянуто выше, § 121).

63. Задача Суда не в том, чтобы вместо национальных властей решить, в чью пользу должно быть определено место жительства ребенка разведенных родителей. Однако в этой сфере рассмотрение Суда не ограничивается выяснением того, было ли Государство-ответчик разумным, тщательным и добросовестным при рассмотрении вопроса об определении места жительства; Суд должен решить, были ли причины, на которые опирался национальный суд в определении места жительства ребенка, релевантными и достаточными (see *Gruzdeva v. Russia* (dec.), no. 13553/09, § 71, 8 July 2014). В частности, Суд компетентен выяснять, проводили ли национальные суды при принятии такого решения глубокий анализ семейной ситуации, учитывали ли соответствующие факторы и проводили ли сбалансированную и обоснованную оценку интересов каждого человека с постоянной заботой о том, чтобы принять лучшее решение для ребенка (см. прецедентную практику, упомянутую в пункте 54 выше). Неспособность провести глубокий анализ будет означать нарушение Статьи 8 (см [Antonyuk](#), упомянуто выше, § 146). В противоположность этому, если бы национальные суды изучили вопрос с осторожностью и согласно принципам, изложенным в прецедентном праве Суда, тогда бы Суд требовал очень веские основания для замещения собственной оценкой решения национальных судов.

64. Согласно выше изложенным принципам и прецедентному праву, Суд далее рассмотрит вопрос о том, провели ли национальные власти глубокий анализ семейной ситуации и соответствующих факторов в данном деле.

65. Суд принял во внимание утверждение Государства-ответчика о том, что решение об определении места жительства с отцом было основано мусульманской традиции чеченского народа, где при разводе родителей ребенок остается с семьей отца (см. пункт 48 выше). Вместе с тем Суд отмечает, что утверждение Государства-

ответчика не находит поддержки в решениях национальных судов, и поэтому Суд не будет учитывать этот довод при рассмотрении дела.

66. Национальные суды установили, что заявительница не имеет достаточно времени для сына, потому что она работает и у нее есть другой ребенок от предыдущего брака. Суды, в частности, подчеркнули, что из-за работы заявительница водит г-на И. в детское дошкольное учреждение, несмотря на его медицинские показания (см. пункт 17 выше). Суд отмечает, что национальные суды не полагались на медицинские или другие экспертные заключения, которые бы препятствовали г-ну И. посещать детское учреждение по состоянию здоровья. Поэтому национальные суды не доказали, что нахождение г-на И. в детском саду может иметь для него «катастрофические» последствия. Из этого следует, что национальные суды признали неспособность заявительницы создать надлежащие условия для воспитания и развития г-на И. из того факта, что она являлась одинокой матерью с двумя детьми.

67. Кроме того, Суд отмечает, что национальные суды отклонили аспекты, относящиеся к жизни каждого из родителей и их финансовых условий, как не значительные. Они не изучили другие факторы, которые могли бы иметь значение для определения лучших интересов ребенка (см. перечень возможных аспектов, предусмотренных Семейным Кодексом РФ в пункте 32 и прецедентное право Суда в пункте 54 выше). Никакая экспертная оценка не проводилась, чтобы установить [финансовые и иные] возможности каждого из родителей и привязанность ребенка к каждому из них. Национальные суды не оценили, что г-н Э. имел судимость, хотя заявительница подготовила для слушаний подтверждающие это документы. Национальные суды не оценили, как долго г-н И. жил с каждым из родителей, не установили стабильность окружения и порядок общения [ребенка] с каждым из них. Они также не оценили потенциальное влияние на г-на И. со стороны [сводной] сестры, с которой он жил с рождения. Наконец, национальные суды подробно не рассмотрели жалобу заявительницы на запрет г-на Э. видеться с г-ном И., ограничившись утверждением, что г-н Э. отрицает это.

68. Доказательная база национальных судов включала - кроме заявлений родителей, справок об их доходах, жилищных условиях, характеристик с места работы и характеристик от соседей - заключение отдела опеки (попечительства) [и охраны прав детства Департамента образования] мэрии Грозного от 15 апреля 2014 года (см пункт

14 выше) и устное заявление сотрудника отдела опеки, в котором подтверждались выводы, содержащиеся в этом заключении (см. пункт 16 выше). Учитывая свои решения, которые в значительной степени были основаны на этом заключении, [национальные] суды не сделали его оценку и просто одобрили его выводы. Они никоим образом не пытались проверить, было ли заключение сделано на основе глубокого анализа семейной ситуации и соответствующих факторов, включая встречи с такими заинтересованными сторонами, как заявительница и г-н И. Позже выяснилось, что заключение было основано на ложной и неполной информации, предоставленной исключительно г-ном Э., и что эта информация не была проверена (см. пункт 21 выше).

69. Учитывая информацию, рассмотренную выше, Суд считает, что рассмотрение дела национальными судами не было тщательным. Из этого следует, что процесс принятия решений был недостаточным и, следовательно, не учитывал лучшие интересы ребенка. Поэтому Суд считает, что разбирательство, осуществленное властями, не позволяло собрать достаточно доказательств, чтобы прийти к мотивированному решению по вопросу места жительства ребенка с отцом. Вмешательство властей не было соразмерно преследуемой законной цели.

70. Соответственно, имело место нарушение Статьи 8 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

71. Заявительница также жаловалась на нарушение Статьи 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

72. Заявительница утверждала, что у нее не было эффективных средств защиты своей семейной жизни. Решения национальных судов были основаны на неправильной и неполной информации, представленной отделом опеки Мэрии Грозного. Даже после того, когда эта информация была признана ложной, заявительница не смогла пересмотреть дело в вышестоящих судах.

73. Правительство утверждало, что заявительница имела эффективные средства правовой защиты в отношении своей жалобы по Статье 8 Конвенции. Так, она могла подать кассационную жалобу на постановление в Верховный суд России.

74. Суд напоминает, что Статья 13 гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты в отношении жалоб, которые можно рассматривать как «спорные» с точки зрения Конвенции. Такие средства правовой защиты должны позволить компетентному государственному органу принять решение по существу соответствующей жалобы на нарушение Конвенции и предоставить соответствующую помощь, хотя Договаривающиеся стороны имеют некоторую свободу действий относительно того, каким образом они выполняют свои обязательства по Статье 13 (см. *Hasan and Chaush v. Bulgaria* [GC], no. 30985/96, § 96, ECHR 2000-XI). Эффективность средств правовой защиты по смыслу Статьи 13 не зависит от уверенности в положительном исходе для заявителя (см. *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 157, ECHR 2000-XI).

75. То, что заявительница имела обоснованную жалобу по Статье 8 Конвенции, не было предметом спора между сторонами по смыслу прецедентного права Суда, и поэтому она имеет право на судебную защиту, удовлетворяющую требованиям Статьи 13.

76. Суд отмечает, что заявительница воспользовалась средствами правовой защиты согласно национальному законодательству: она подала судебный иск об определении места жительства сына в ее пользу. Она представила свои аргументы, и

суды трех уровней юрисдикции рассмотрели их. Не вызывает сомнений то, что суды могли принять решение в ее пользу. Тот факт, что ее иск был отклонен, не указывает сам по себе на неэффективность рассматриваемого средства защиты. После того, как стало известно о неправильном и неполном заключении органа опеки и попечительства [мэрии Грозного], заявительница могла подать ходатайство о возобновлении своего дела в связи с вновь открывшимся обстоятельством (см. пункт 46 above). Заявительница не объяснила, почему не сделала этого.

77. С учетом сказанного Суд считает, что эта жалоба является необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

78. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд находит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Ущерб

79. Заявительница требовала компенсации морального ущерба в размере 26,000 евро (EUR).

80. Правительство посчитало указанное требование завышенным.

81. Суд присуждает заявительнице EUR 12,500 в качестве компенсации морального ущерба плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

B. Расходы и издержки

82. Заявительница требовала возместить EUR 2,989.46 в качестве компенсации транспортных расходов. Несколько раз она путешествовала из Москвы, где живет, в Грозный, чтобы участвовать в рассмотрении дела. Она представила копии билетов. Также она требовала возместить EUR 3,156.50 за работу ее юридических представителей в Суде. Она представила соглашение, согласно которому в случае «победы» и если будет присуждена компенсация Судом, она должна будет оплатить юристам EUR 150 за час работы. Она представила таблицу расходов и соответствующие счета. Наконец, она просила компенсировать расходы на курьерскую почтовую службу в размере EUR 89.58.

83. Правительство утверждало, что транспортные расходы не были связаны с судопроизводством и что в любом случае заявительница не представил [посадочные талоны на самолет]. Почтовые расходы были чрезмерными. Заявительница могла выбрать более дешевую почтовую службу. Наконец, Государство-ответчик утверждало, что, согласно российскому законодательству, соглашения о непредвиденных расходах не подлежат исполнению.

84. Согласно прецедентному праву Суда, заявительница имеет право на возмещение расходов и издержек в той мере, в какой это было показано, и если они были фактически и обязательно понесены, а также разумны в отношении ставок. В данном деле, учитывая имевшиеся документы и указанные выше критерии, Суд считает разумным присудить EUR 2,500 плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

С. Выплата процентов

85. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО,

1. *Объявляет* жалобу на решение об определении места жительства сына заявительницы с его отцом приемлемой, и остальные жалобы не приемлемыми;
2. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции;
3. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно выплатить заявительнице в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую постановление Суда станет окончательным, в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, конвертируемые в валюту Государства-ответчика:
 - (i) EUR 12,500 (двенадцать тысяч пятьсот евро) в качестве компенсации морального ущерба плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;
 - (ii) EUR 2,500 (две тысячи пятьсот евро) в качестве компенсации расходов и издержек плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;
 - (б) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
4. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 10 апреля 2018 г., в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Fatoş Aracı
Заместитель Секретаря Секции

Helena Jäderblom
Председатель Секции